

Kosovo Myth from the 600th anniversary of the present // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. No 1. P. 95–110; *Djokic D.* Whose Myth? Which Nation? The Serbian Kosovo Myth Revisited // *Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century*. Munich, 2009. URL: <http://research.gold.ac.uk/3455/1/Kosovomyth2.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).

³ Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 26.

⁴ Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 292.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.2

Я. Н. Смирнов

Российская дипломатия и Югославский кризис в 1992–1995 гг.

Югославский кризис стал крупнейшим конфликтом в Европе после Второй мировой войны. В то же время он стал и одним из ярчайших примеров совместных усилий мирового сообщества по разрешению конфликта. В этой связи особый интерес для исследователя всегда представляла та деятельность, которая велась участниками конфликта, а также международным сообществом по дипломатической линии. Однако если работа западных дипломатов получила довольно широкое освещение в виде опубликованных за последние два десятилетия многочисленных мемуаров, публицистических и научных статей и монографий, то отечественной дипломатии в этом плане было посвящено не так много трудов. В связи с этим наша основная цель — с использованием как можно более разносторонних источников попытаться сделать общий обзор дипломатической деятельности России в Югославии в период с 1992 по 1995 гг.

Серьезное внимание проблематике дипломатической активности России в ходе Югославского кризиса уделяет в своей работе К.В. Никифоров «Между Кремлем и Республикой Сербской»¹. Акцент в ней сделан на особой роли России в ходе двух последних лет противостояния, когда политическая и дипломатическая борьба за регион вошла в свою

заключительную и наиболее острую фазу. Особый интерес также представляют воспоминания и замечания К.В. Никифорова о его участии в миссии помощника президента РФ по национальной безопасности Ю.М. Батурина на территории Югославии в 1994–1995 гг. Стоит также отметить работу Е.Ю. Гуськовой «История Югославского кризиса», в которой автор рассматривает общую стратегию России в ходе разрешения Балканского кризиса, а в рамках особой главы проведен анализ политики Москвы в 1990-е гг. на Балканах². К.В. Никифоров и Е.Ю. Гуськова пришли к выводу, что в ходе попытки включиться в качестве полноправного участника международных отношений в процесс разрешения кризиса Россия фактически встала в фарватер политики западных стран. Похожую точку зрения высказывает в своих недавно опубликованных воспоминаниях Добрица Чосич³, занимавший в 1992–1993 гг. пост президента СРЮ. Ожидаемо несколько отличную от упомянутых точку зрения на работу российской дипломатии можно встретить в воспоминаниях зарубежных авторов. Так, Д. Оуэн в своей работе «Balkan Odyssey» довольно высоко оценил работу российских дипломатов в качестве специалистов по Югославии, считая своих коллег довольно значимыми посредниками в их переговорах с сербами из Белграда и Пале⁴.

На первом этапе затрагиваемых событий, в преддверии войны в Боснии в 1991 и в 1992 гг., когда этническое противостояние в Югославии набирало обороты, на фоне деклараций о независимости Словении и Хорватии еще тогда советская дипломатия изначально заняла довольно неоднозначную позицию невмешательства во внутренние дела СФРЮ, официально поддерживая территориальную целостность страны. Однако уже ближе к осени 1991 г. с обострением ситуации в регионе позиция СССР начинает немного конкретизироваться — официальный МИД выступает с осуждением действий Югославской Народной Армии. Именно в этот момент отечественная дипломатия начинает входить в фарватер официальной политики США. С окончательным развалом СССР и приходом небезызвестного А.В. Козырева

на пост министра иностранных дел РФ этот разворот в политике России начинает приобретать все более четкие формы. Весной 1992 г., когда началась война в Боснии и Герцеговине, Россия в числе других стран совершенно неожиданно для руководства Югославии вслед за США и некоторыми странами ЕС возложила вину за это на СФРЮ, проголосовав в апреле 1992 г. за пакет масштабных экономических санкций против страны. В то же время в ходе начатых Международной конференцией по бывшей Югославии (МКБЮ) переговоров с лидерами расколовшейся страны российские дипломаты порой активно «привлекались» западными коллегами для давления на сербскую сторону. Фактически в этот период иных активных действий российская дипломатия не предпринимала, а общая дипломатическая линия в этот период полностью шла в фарватере политики США и ЕС, которые надеялись использовать авторитет России на Балканах для реализации своих планов по мирному урегулированию.

На следующем этапе, в 1993–1994 гг., Россия пытается уже более активно и самостоятельно вовлечься в международную политику на Балканах. Официальная миссия МИД РФ в Югославии, возглавляемая в этот период В.И. Чуркиным, начинает продвигать различные мирные инициативы, в рамках мирного процесса активно работая с сопредседателями МКБЮ. Кроме того, в высказываниях отдельных дипломатов наблюдается явное желание более самостоятельной российской позиции по югославскому кризису. Так, президент СРЮ Д. Чосич в воспоминаниях отмечает, что сам Чуркин был не в восторге от указаний своего руководителя А.В. Козырева, призывавшего российскую миссию в Белграде координировать свою деятельность исключительно в соответствии с политикой западных коллег.

Общее же изменение позиции России видно по официальной реакции Москвы в ходе так называемого Февральского кризиса 1994 г. Тогда, в ответ на якобы организованную сербами артиллерийскую бомбардировку рынка Маркале в осажденном Сараеве, НАТО было готово нанести авиаудары

по позициям боснийских сербов. На переговорах в Москве с премьер-министром Великобритании Д. Мейджором президент России Б.Н. Ельцин резко осудил планируемую атаку, в качестве мирной инициативы предложив разместить на артиллерийских позициях сербов русских миротворцев. Как видим, российское руководство явно пыталось определить альтернативную стратегию поведения в регионе. В рамках реализации такой альтернативы президент Ельцин в июле 1994 г. отправил в Югославию делегацию во главе со своим помощником по национальной безопасности Ю.М. Батуриным — фактически она действовала параллельно официальным представителям МИД, работавшим в регионе. Это позволило установить прямые контакты между Москвой, Белградом и неофициальной столицей боснийских сербов Пале. Между лидером боснийских сербов Р. Караджичем и Б.Н. Ельциным завязывается деловая переписка, и президент РФ даже дает указание А.В. Козыреву продвинуть на переговорах Контактной группы ряд позиций сербской стороны. Тем не менее в дальнейшем такая политика ни к чему не привела.

На третьем этапе, в 1995 г., происходит резкое снижение активности российской дипломатии на югославском направлении и возвращение к прежним прозападным позициям. Активность так называемой альтернативной дипломатии была сведена на нет фактическим ее игнорированием со стороны самого же президента и противодействием А.В. Козырева. Некоторое оживление последовало после личной встречи Б.Н. Ельцина и С. Милошевича в Москве в августе 1995 г., однако уже было поздно — американцы начинали запускать переговорный процесс в Дейтоне.

Таким образом, общая внешнеполитическая линия Москвы не была постоянно подчинена «западным партнерам». В рамках отдельных инициатив, «альтернативных» стратегий, Россия на определенном этапе все же пыталась закрепить на своей собственной, более самостоятельной позиции по разрешению Югославского кризиса. Однако из-за внутренних противоречий в российском руководстве этот

процесс был прерван, а ход мирного урегулирования в Югославии полностью отдан в руки «западных партнеров».

Примечания

¹ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

² Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.

³ Чосич Д. Заметки писателя и президента СР Югославии 1992–1993. Сергиев-Посад, 2012.

⁴ Owen D. Balkan Odyssey. New York, 1997.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.3

Е. П. Каткова

Феномен «югоностальгии» в современной Словении

Явление «югоностальгии» в той или иной степени характерно для каждой из бывших республик Югославии, однако его словенский вариант имеет особенный характер. Дело в том, что изначально словенцев с другими югославскими народами разделяли исторические, языковые и культурные различия. Словения первой в 1991 г. объявила о своей независимости и на данный момент достигла наибольших политических, экономических и социальных успехов среди «новых» балканских государств. Однако вопрос самоидентификации нации, ее принадлежности к западно- или восточноевропейской семье до сих пор окончательно не решен.

Аргументом в пользу того, что Словения — часть восточноевропейского мира, является ностальгия, которую испытывает часть населения страны по отношению к своему социалистическому прошлому, несмотря на его однозначно негативную трактовку со стороны официального политического, культурного и медийного дискурса. Любопытно, что склонность к «югоностальгии» не зависит ни от возраста, ни от пола, ни от социального статуса и в равной степени встре-